

DOI 10.15393/j9.art.2014.733

Екатерина Дмитриевна Гришкевич

аспирант,

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

katerina.grishkevich@gmail.com

ОБРАЗ КРЕСТА В ГОМИЛИЯХ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ XVIII ВЕКА ТРИФОНА ПЕТРОВА*

Аннотация. Статья посвящена выявлению художественной манеры писателя выговской литературной школы Трифона Петрова. В центре внимания — две гомилии автора, написанные на праздник Воздвижения креста Господня: «Слово на Воздвижение честнаго и животворящего креста слово похвальное, сочиненное лета 7243». В работе прослеживаются структурная организация произведений, их жанровые особенности, семантика и интерпретация образа креста, а также художественное оформление и источниковедческая база торжественных слов. При анализе первой гомилии фокус направлен на композицию произведения, которая оказывается вписанной в символику креста. Следуя за речью проповедника, слушатель проходит по заданным крестом пространственно-временным координатам. В слове похвальном акцент делается на гимнографических текстах, вкрапленных в авторское повествование. Они выполняют ритмообразующую функцию и превращают гомилию в реминисценцию песнопения. В основе изложения обоих слов лежит риторическая амплификация. Благодаря ей традиционные для гомилетики мотивы и образы разрастаются и получают новое освещение. Трифон Петров, оказавшийся восприимчив к веяниям эпохи, явился продолжателем лучших традиций святоотеческой литературы.

Ключевые слова: Выговская пустынь, старообрядчество, гомилетика, риторика, Трифон Петров

Середина XVII — начало XVIII века — переходный период в русской литературе — характеризуется расцветом жанра ораторской прозы, что выразилось, в том числе в подъеме такого рода творчества, как гомилетика. Искусство проповеди в Древней Руси было унаследовано от Византии и сформировалось под влиянием святоотеческой литературы, заложившей основы христианского красноречия. Древнерусские проповедники при создании своих сочинений, помимо текстов Священного Писания, ориентировались именно на эти авторитетные образцы, которые служили для

них источником художественной образности и экзегетического мастерства, идейного содержания, а также примером совершенной архитектоники текста. Каких-либо иных специальных руководств по красноречию древнерусский книжник, по сути, не знал; нерушимой для него оставалась вера в пророческий характер творчества и мудрость, дарованную Божественным откровением. В середине XVII века литературная система претерпевает глубинные изменения, происходит кардинальная ломка традиций, нашедшая свое отражение в смене позиций и взглядов сочинителей на творческий процесс. Наряду с традиционным принципом подражания авторитетным текстам возникает тенденция следования теоретическим образцам, «нормативным стратегиям», поэтическим правилам, прописанным в риториках, которые, кроме того, взяли на себя функцию трансляторов барочной эстетики [3, 13]. Если использовать терминологию А. М. Панченко [8, 167–209], выделившему в русском литературном процессе два писательских типа, на смену писателю-«апостолу» приходит писатель-«мастер». Яркими выразителями эстетических идеалов «апостольского» типа являются старообрядцы первого поколения с их непримиримым отношением к «внешней» мудрости, верой в «богодухновенность» слова и признанием писательства «по нужде». Позицию «мастера» отстаивали представители официального лагеря, защитники никоновских «новин», ставшие адептами литературных умствований и риторской учености.

С. Матхаузерова обратила внимание на существование двух теорий текста, сложившихся к периоду церковной реформы. Первая из них — «субстанциональная» — базируется на восприятии текста как некоего откровения, «слово равняется обозначаемой субстанции, предмету», читатель оказывается вовлечен в сферу влияния «материи», обозначенную буквой, следовательно, граница между субъектом и объектом восприятия перестает существовать. Новой для русской литературной культуры была «релятивистская» концепция текста, признающая критическое отношение к слову как к объекту восприятия. Ее, полемизируя со старообрядцами, обосновал Симеон Полоцкий [7, 271–284]. Со-

гласно его видению, «восприятие текста является соотношением трех компонентов: слово — объект — субъект» [7, 274].

Описанный эстетический конфликт не был локальным и не сводился к столкновению позиций традиционалистов с литературными деятелями официального лагеря на фоне религиозных разногласий, он стал отражением произошедшей смены парадигм, которая оказалось неминуема в процессе перехода русской культуры от Средневековья к Новому времени. Открытыми новым веяниям эпохи были и писатели-староверы второго поколения, представители выговской литературной школы.

В конце XVII века в лесах Обонежья было основано Выго-Лексинское старообрядческое общежительство, со временем превратившееся не только в крупнейший старообрядческий, но и культурный центр. Ориентируясь на духовные традиции дониконовской Руси и позиционируя себя как последователей пустозерцев, писатели выговской литературной школы все же не стали преемниками их эстетических установок. Справедливость данного утверждения была доказана Н. В. Понырко, раскрывшей суть конфликта двух поколений староверов: «Если для направления Аввакума литературное умствование — грех и пагуба <...> то для выговских писателей оно — благо. Выговцы, оставляя общеправославное разделение мудрости на "внешнюю" и "внутреннюю", дают целый поток панегирических определений «внешних» риторики и философии» [10, 105]. Премудрость и словесность оказывались у поморских авторов сопряженными понятиями. По мысли исследовательницы, в отличие от старообрядцев первого поколения выговские книжники четко разделяли веру и культуру, что позволило им в своих идейных противниках видеть талантливых писателей и даже использовать их словесное творчество в качестве образца. Неопровержимым свидетельством того, какое важное место занимало риторское мастерство и витийство в выговской литературной школе, служит собранный в общежительстве корпус Риторик. Как показало исследование Н. В. Понырко [9, 154–162], все учебники по ораторскому искусству,

бытовавшие в России в первой половине XVIII века, получили свое распространение на Выгу. Более того, в 30-е годы XVIII века в общежительстве был создан собственный вариант Риторике — Риторика-свод, а во второй половине XVIII века путем переработки свода — Поморская риторика.

Все эти предварительные замечания нам необходимы для того, чтобы создать литературно-культурный контекст творчества одного из выдающихся писателей выговской литературной школы первой половины XVIII в. — Трифона Петрова, а также обозначить духовно-эстетические идеалы, под влиянием которых формировался его литературный талант.

Перу Трифона Петрова принадлежит довольно обширный круг произведений, пользовавшихся большой популярностью у старообрядцев, о чем свидетельствует внушительное число их списков. Основной корпус сочинений Трифона Петрова представлен торжественными словами, посвященными различным праздникам церковного календаря.

Предметом настоящего исследования являются две гомилии, написанные на день Воздвижения креста Господня. Первая из них, озаглавленная «Слово на Воздвижение честнаго и животворящего креста Господня», известна в следующих списках: РГБ. Собр. Барсова. № 23, л. 84. Первая пол. 40-х гг. XVIII в.; ГИМ. Собр. Хлудова. № 274. л. 43. Конец XVIII — начало XIX в.; ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 151., л. 27. 40-е гг. XVIII в. [14, 104]; Усть-Цилемское собр., № 152., л. 22. XVIII в. (конец) [6, 126]. Вторая гомолия под названием «На Воздвижение честнаго и животворящего Креста слово похвальное, сочиненное лета 7243» сохранилась в списках: РГБ. Рогожское собр. № 609 л. 278. Вторая половина 30-х — начало 40-х гг. XVIII в.; РГБ. Собр. Барсова. № 339, л. 29. Первая половина 40-х гг. XVIII в.; РГБ. Собр. Попова (ф. 236). № 205, л. 12. 50–60-е гг. XVIII в.; НБ МГУ. № 303, л. 11. 50–60-е гг. XVIII в. [14, 103].

Сконцентрировав внимание на ключевом образе — кресте, мы попытаемся проследить, как автор организует свои произведения, какие интерпретации и семантические нюансы вводит в повествование, на чем строит диалог со слушате-

лем, какого рода риторические приемы применяет и к каким источникам обращается.

Воздвижение Креста Господня, являясь одним из двенадцатых праздников, относится к особо чтимым церковью торжествам. Этот день (14 сентября) посвящен воспоминанию об обретении креста, на котором был распят Иисус Христос. По преданию, в 325 году Елена, мать императора Константина, отправилась в Иерусалим для того, чтобы отыскать место, где был погребен Христос и орудие, на котором он принял мученическую смерть. После проведения раскопок на месте языческого храма было обнаружено три креста. Для того чтобы узнать, какой из них является священным, кресты поочередно возлагали на умершего человека, и только от прикосновения последнего бездыханное тело ожило. Тогда иерусалимский патриарх Макарий, взобравшись на высокое место, поднял обретенную святыню, чтобы каждый мог ее увидеть и поклониться ей. Так в общем виде выглядит легенда об обретении креста, вариантов же ее древнерусский книжник знал великое множество. Например, в сентябрьский том Великих Миней Четий митрополита Макария — крупнейшего свода древнерусских переводных и оригинальных памятников — под 14 числом помещены сразу несколько сочинений, рассказывающих с разной степенью подробности историю и предысторию обретения креста: «Хруса уединенаго слово историческое о обрѣтении пречестнаго Креста...», «Явление Константину царю и обрѣтение Креста, на нем же повѣшенъ бысть Господь нашъ Исусъ Христоръ, в лѣто 203», «Слово на Въздвигение Креста честнаго». Тематически к легендам об обретении креста примыкают апокрифические сказания о судьбе деревьев, из которых были сделаны кресты для распятия Иисуса и разбойников, казненных вместе с ним. Так, апокриф «о крестном древе, о дву кресту разбойничю и о лбе Адамли», приписывавшийся Григорию Богослову, или Григорию Двоеслову, представляет собой компиляцию ряда легенд, при этом каждая их них имеет свой законченный сюжет и собственную историю возникновения [4; 60–62]. Некоторые из этих легенд отразились в произведениях святоотеческой литературы (например,

Иоанн Златоуст обращался к преданию о погребении Адама на Голгофе), в Евангелии Никодима, в апокрифах «Беседа трех святителей» и Откровении Варуха и ряде других текстов. Важным фактом является то, что «крестные» легенды связывают события и персонажей Ветхого Завета с новозаветными: дерево изгнания становится деревом спасения, кровь и вода из ребра Христа крестит и спасает Адама, ребро которого — Ева — стало источником гибели его, а самого Христа называют новым Адамом [4, 62]. Эта связь будет имплицитно присутствовать во многих сочинениях, написанных на праздники в честь креста, станет основой устойчивых антитез и ассоциаций, традиционных символов и аллегорез. О крестном древе повествуют также «Слово о древѣ всеспасенаго креста, гдѣ обрѣтесе и како бысть», приписываемое Севериану, епископу Гепальскому и апокриф «О крестном древе и лбе Адама».

Вышеназванные легенды использовались в известном споре старообрядцев с никонианами о форме креста. Для старообрядцев попранием «древлеправославной» веры было поклонение четырехконечному кресту, который они объявили «латинским крыжом», в то время как сторонники церковной реформы признавали его равным восьмиконечному. Для аргументации стороны использовали самые разные источники, в том числе и апокрифические. Так, в своей знаменитой «Книге бесед» протопоп Аввакум в беседе второй (Об образе креста Христова) приводит компиляцию известных ему крестных легенд с целью обличения невежества никониан. В его рассказе фигурирует история о деревьях, которые произросли из венца Адама и впоследствии сгорели; из головней появились три новых дерева, как признак прощения, дарованного Богом раскаявшемуся Лоту, затем они попали к Соломону и из них же в итоге был сделан крест для распятия Христа. Впрочем, сам Аввакум признается, что «сице читал, а не в церковных же книгах, кои обносятся во церкви, свидетельствованы, но в лежащих и не свидетельствованных. Аще сие правда или ни, Бог весть» [1, 129].

Поклонение трисоставному восьмиконечному кресту отстаивали в своих полемических сочинениях и выговцы.

В «Поморских ответах» они утверждали, что «новомудрствование» сторонников Никоновской реформы о животворящем кресте не соответствует учению "древлеправославной" церкви», правда доказывали они свою правоту, ссылаясь на Священное Писание и тексты святых отцов, но понятно, что и в них слышны отголоски преданий.

Воздвижение было храмовым праздником Лексинской обители, а значит, и внимание ему уделялось особенное. По словам выговского историка Ивана Филиппова [12], в этот день (как и в праздник Рождества Иоанна Предтечи) на Лексу сходилось большое число народу, и была «тѣснота вмѣстатися не возможно» [12, 246], в связи с этим было даже принято решение построить часовню специально для братии. Вероятнее всего, посвященные Воздвижению слова Трифона Петрова, были произнесены автором перед большим числом слушателей в особенно торжественной обстановке. Время написания (следовательно, и произнесения) «слова похвального» указано в заглавии: «писано в 7243» (1735), что же касается второй гомилии — установить дату пока не удалось. Если учитывать, что самый ранний список слова относится к 40-м годам, то написано оно было не позднее начала 40-х годов XVIII века. Определение датировки затрудняется отсутствием в слове каких-либо косвенных указаний на время, что является характерным для гомилий Трифона Петрова и на что имеются причины художественного порядка. Рассмотрим каждое из названных слов.

Трифон Петров использует в своих произведениях стандартный набор символов и в толковании не выходит за рамки святоотеческой традиции, но его подход к обработке материала, его построению и использованию изобразительно-выразительных средств говорит об особой художественной манере этого автора. Е. М. Юхименко сделала тонкое наблюдение относительно того, что является отличительной чертой слов Трифона Петрова, а именно — «их тесная связь с песнопениями, фрагменты которых буквально вплетены в авторский текст» [13, 134]. Действительно, его гомилии как бы продолжают богослужение. Он заимствует знакомые слушателям мотивы церковных гимнов, развивает их до предела,

детализирует посредством риторского наращения и доводит их до того, что они приобретают фактически визуальную осязательность. За кажущимися на первый взгляд нагромождением образов, нарочитой пышностью речи, избыточной метафорами, сравнениями и риторическими фигурами, скрываются хорошо продуманная композиция и прозрачность стиля.

Так, в «Слове на Воздвижение честнаго и животворящего креста Господня» можно выделить три части: предисловие, основную часть и заключение. Такую структуру предписывали учебники риторики, как и правило, согласно которому предварять сочинение должна фема. В качестве нее обычно выступали цитаты из Священного Писания — их разъяснению и раскрытию и посвящалось слово. Ритору следовало выстраивать речь в соответствии с принципом гармоничности в архитектонике текста и его идейной целостности. Выбранная оратором фема должна была отражать смысл произведения, являться ключом к его разгадке, но в то же время каждый фрагмент текста подчинялся замыслу ее развития и истолкования, так что она оказывалась как бы рассеянной в нем и только путем собирания воедино всех ее отражений и мог раскрыться истинный смысл. Такая зеркальная многочастная смысловая структура выдерживается и в гомилиях Трифона Петрова. Слово на Воздвижение в этом смысле не является исключением.

В качестве фемы автор избрал цитату из Евангелия от Иоанна: «Аще азъ вознесенъ буду от земли, вся привлеку к себѣ» (л. 27)¹ (Ин.12:32). Это слова Иисуса Христа, пророчествующего о том, какую смерть ему суждено принять. Фема задает смысловое ядро произведения: автору предстоит разъяснить причину и значение крестной смерти. Буквально с первого слова вводится одна из основных тем произведения, становящаяся лейтмотивом гомилии, — тема любви Бога к человеку: «Любовь Божия къ чловѣческому естеству толико велия и премнога есть...» (л. 27); в последующих предложениях она артикулируется при помощи лексических вариаций: «чловѣколюбивыи Богъ», «неизреченное чловѣколюбие». Задав тональность, автор приступает к созданию эмоциональ-

ного поля. Наивысшим проявлением любви Господа стала «животворящая смерть» Сына, и это достойно удивления: «О, страшное слово! О, неизреченное чудо!» (л. 27 об.). Риторические восклицания проповедника по замыслу должны создать атмосферу живого слова, через которое устанавливается контакт со слушателями, в результате и монолог становится подчеркнуто диалогизированным. Основная эмоция, сообщаемая речеточцем, — изумление, внушающее почтение и благоговение, что выражается в том числе и устойчивым использованием слов «ужас», «удивление», эпитетов «страшный», «ужасный», «предивный». Не снижая уровень эмоциональности, автор переходит к главному предмету проповеди — рассказу о «животворящем древе» и его значении для человеческого рода. Крест «превосходит веру», поскольку является истинным свидетельством: «Кто от земнородных могль бы вѣровати, яко живота источник насъ ради умре? Ты же, страшное и всечестное Древо, толикия вѣры напоило и не словеса красными и сладкими, но самымъ страшнымъ явлениемъ своимъ увѣщало еси вся челоуѣки...» (л. 28). Для развития мысли о спасении человека посредством креста автор прибегает к амплификации, построенной на анафорическом повторе и синтаксическом параллелизме: «Тобою разстоящая совокупишася, Тобою аггели с челоуѣки соединишася, Тобою Богъ к челоуѣкомъ примирися, Тобою вражда разрушися и мир утвердися ...» (л. 28).

Во вступлении, согласно правилам риторики, кроме краткого изложения сути слова, необходимо было сформулировать цели проповеди. Трифон Петров определяет их следующим образом: «... убо праведно есть разсудити превысокую вину честнаго Креста и животворящия смерти Спасителя нашего и увидѣти мысленными очима, кия пресладкие плоды израсти намъ всекрасное Древо крестное» (л. 28 об). При этом автор подчеркивает, что тайну боговоплощения он хочет преподнести «не аггельскимъ языкомъ, не богословские усты, не риторскимъ златословиемъ, но простым и пѣшимъ словомъ, елико достижно есть челоуѣческому уму и елико немощный языкъ наш сказати можетъ» (л. 28 об — 29). За традиционным для древнерусского книжника

самоуничижительным пафосом достаточно легко просматривается установка проповедника на ясность и доходчивость произносимого слова. В завершении вступительной части Трифон Петров призывает слушать его «повесть», поскольку она прославляет пострадавшего за нас Создателя и принесет пользу душевную.

Все намеченные во вступлении мотивы и приведенные цитаты из Священного Писания получают свое развитие в основной части. Открывает ее история об Адаме и первогрехе. В основе авторского замысла лежит построение сочинения на основе антитезы: мрачная жизнь человека после изгнания из рая противопоставляется свету вечности, обретенному после искупительного подвига Христа. Рассказ о преступлении первого человека выводит также на антитезу: дерево познания добра и зла — крестное дерево. Как уже отмечалось выше, такое противопоставление вполне традиционно: присутствует оно и в служебных, и в четьих текстах, посвященных крестной жертве. Интересно то, как именно воплощается авторский замысел.

Ключевым мотивом при описании ветхозаветного мира становится мотив смерти. Слово бисер нанизывает ритор яркие метафоры и сравнения, создавая перед глазами слушателей картины муки и томления в аду. Смерть предстает то в образе змея, то в образе лютого зверя, поглощающего человека еще до его рождения, то в образе кита, в пасти которого оказываются целые поколения. Эмоциональный накал усиливает тирада о праведниках — жертв ада, основанная на антитезе. Такого рода тирады описаны И. П. Ереминым при анализе гомилий Кирилла Туровского [2, 50–58]. Их своеобразие состоит в том, что «риторическая "цезура" делит в них каждое чередующееся предложение на две противопоставленные одна другой части, резко различные по интонационной окраске» [2, 52]. У Трифона Петрова антитеза осложняется сравнительными оборотами: «Праведень и непорочень Нои явися на земли, но от потопа воды спасся в ковчезѣ, потомъ в безднѣ адстѣи, яко оловянный сосуд, погрязе. Великъ житиемъ Мелхиседекъ, но адъ, яко левъ свою желаемую пищу, снѣде его и не насытится. Возлюбленъ Бо-

гомъ Авраамъ, но первородный грѣхъ, аки своего раба, приемъ и того отведе с прочими плѣнена ...» (л. 30–30 об). Художественной особенностью названных сравнений является то, что они построены на игре ассоциациями. Смерть предстает в обличье того, с чем при жизни герою удалось справиться, его сила, нравственная или физическая, оказывается прахом перед лицом ада. Внимание на себя обращает апелляция сравнений к визуальному восприятию и их динамичность.

Наряду с ветхозаветными героями Трифон Петров называет Ахиллеса, Гектора и Александра, вспоминает их мужество, силу и храбрость. Правила риторики требовали от сочинителя аргументации своих слов, в качестве которой могли служить примеры и цитаты из Писания или церковной литературы, а также примеры из истории. Персонажи античности постоянно фигурируют в риторических «прикладах», поэтому неудивительно, что и на страницах книг писателей выговской школы они появляются достаточно часто. Рассуждение о смерти, бренности жизни и вечной муке сменяет вопрос, что же сотворил Господь во имя спасения рода человеческого. Далее следует тирада, посвященная хвале Господа: описывается величие Творца и красота его творений. Мир, в котором все полно движения, представлен как иерархично выстроенная система, где все подчинено божественной воле. В таком изображении мира нельзя не заметить влияния барочной эстетики с ее любовью к динамичности и иерархии. Но рассказ о всесии Бога — это и тонкий экзегетический ход: автор подводит слушателя к мысли о том, что выбор способа избавления человека «от смерти и тления» — акт свободной воли Творца. Он мог бы избрать любой иной способ, но предпочел позорную смерть Сына на кресте и таким образом «...смертию праведнаго Сына Божия, неправедно осужденнаго, мы, грѣшнии и праведно смертию осуждени, оправдимся и, оправдившися, оживемъ» (л. 33). Здесь же автор останавливается на подробном толковании цитаты из Второго послания Павла к Коринфянам, которая встретилась и во введении: «Невѣдавшего бо грѣха по нас грѣхъ сотвори, да мы будем правда Божия

о Немъ» (5:21). Этот фрагмент текста интересен также и тем, что в нем упоминается так называемый «Предвечный Совет», на котором состоялась беседа о судьбе человека и боговоплощении. Тема Предвечного Совета получила широкое распространение в произведениях отцов церкви и богословской литературе (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника), в иконописи ее отражением является «Святая Троица» Андрея Рублева, в литературной форме ее выразил Аввакум. В вводной части Жития, говоря о Троице и вочеловечивании Христа, протопоп в символической форме передает разговор Бога-Сына и Бога-Отца:

«О едиnorodный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти обещися в тлимаго человекѣка, подобает ти по земле ходити, плоть восприяти, пострадати и вся совершити» [1, 59]. К нему он вновь обращается в письме к Ксении Артемьевне Болотовой при разъяснении смысла двуперстного крещения. Аввакум позаимствовал идею диалога между Сыном и Отцом, который состоялся еще до появления Адама, из Слова о вочеловечивании Иоанна Златоуста и в свойственной ему форме развил ее. Но обращение Господа к своему Сыну приводит и Трифон Петров в названном фрагменте, включая его тем самым в широкий богословско-культурный контекст: «...едиnorodный Сыне Мои, сияние славы Моея и образе ипостаси Моея, да Ты единъ умреши за вся человекѣки, а не весь миръ погибнетъ» (л. 33 об.).

Кульминацией слова является изображение распятого на кресте: «...виситъ распят на крестѣ, даи всѣмъ животь и дыхание, содержай вся всесилною рукою и носяи всяческая глаголомъ силы Своея» (л. 35). Особую эмоциональность сообщают глаголы настоящего времени: крестный подвиг как бы совершается на глазах слушателей, они становятся его свидетелем, приобщаясь к вечности. Д. С. Лихачев писал о христианских праздниках следующее: «События священной истории придают смысл событиям, совершающимся в настоящем, они объясняют состояние вселенной и положение человечества относительно Бога. События эти совершились под знаком "вечности" и поэтому продолжают суще-

ствовать и вновь совершаться» [5, 272–273]. Совершается перед глазами слушателей и схождение Иисуса во ад, и освобождение от уз смерти, и сокрушение дьявола. Спасение служит причиной торжественного ликования, ритор не жалеет слов, воздающих хвалу кресту и распятому на нем Богу: одна тирада сменяется другой, за счет однотипных синтаксических конструкций и близких по значению структур текст наделяется особым ритмом и становится близок церковному песнопению. В заключении гомилии кратко проводится итог всему сказанному, еще раз воздается слава кресту.

Трактовка креста, представленная в гомилии, многопланова: это и орудие казни Христа, и свидетельство любви Бога к человеку, и символ спасения, и древо, питающее человека своими плодами, и лестница, по которой человек восходит к Богу, и орудие, при помощи которого был побежден дьявол. Но крест — это и символ «четвероконого» мира, который объединил распятый Христос: «Божества всепредивный образъ трети составы своими Трисвятую Троицу знаменующии, всемогущия силы Божия преславное изображение, всея твари крепкий союзъ, высоты и глубины, широты и долготы всеизрядное соединение — всѣхъ бо Владыка, ставъ на немъ, вся совокупи воедино...» (л. 37). Символика креста оказывается вписанной в текст. Напомним, что свое повествование Трифон Петров начинает с описания ада, затем ракурс меняется в сторону неба, где Господь решил предать в жертву Сына. Христос принимает крестную смерть и спускается в ад, потом возвращается с праведниками на небо к Богу-Отцу, после чего автором произносится хвала древу и молитва. В книге Б. А. Успенского, посвященной символической трактовке креста, смысл крестного знамения излагается следующим образом: «...положение руки на чело символизирует пребывание Бога на небе и рождение Христа от Бога-Отца <...> движение вниз выражает сошествие Христа с неба на землю <...> перенесение руки вверх на правое плечо соответствует словам "и восшедшаго на небеса и сидящаго одесную Отца"; наконец, перенесение руки справа налево означает отделение праведников от грешников на Страшном Суде...» [11, 42–43]. Следуя за речью проповедника, слушатель точно

проходит по заданным крестом пространственно-временным координатам. В гомилии Трифона Петрова присутствует отрывок, в котором он говорит о разного рода таинствах, совершаемых осенением крестным знаменем. Включение этого фрагмента не случайно. Все, о чем рассказывалось до этого, имело отношение к Священной истории, но ведь и жизнь каждого человека — это повторение Священной истории. Таинством крещения омывается первородный грех, происходит обновление человека, и он оказывается причастен вечности, ему предстоит совершить свой путь к небесам.

Следует добавить, что некоторые пассажи, в частности те, в которых воздается хвала кресту и разъясняется смысл крестной жертвы, являются своеобразным «общим местом» в гомилиях, посвященных празднику Воздвижения. Поэтому неудивительно, что в слове Трифона Петрова наблюдаются параллели со словами на Воздвижение Иоанна Златоуста, Василия Селивкийского, Пантолеона, пресвитера Византийского, знакомых древнерусскому книжнику по Торжественнику и Минеям-Четьим. В поучении Иоанна Златоуста на Воздвижение честнаго Креста, текст которого читается в составе древнерусских Златоустов, обнаруживается толкование цитаты, ставшей фемой для рассмотренной гомилии. В интерпретации креста как символа четвероконечного мира нельзя не увидеть влияния богословских трудов Иоанна Дамаскина. Будучи хорошо знакомым с патристической литературой, Трифон Петров впитал и претворил ее идеи.

Вторая гомилия Трифона Петрова на праздник Воздвижения написана в жанре похвального слова. Жанр и определил структуру сочинения. Если композиция рассмотренной гомилии была подчинена авторскому замыслу разъяснить значение праздника, то цель данного слова — прославление и восхваление креста. Фемой произведения явилась цитата из Псалтири: «Возносите Господа Бога нашего и кланяйтесь подножию ногу Его» (Пс. 98:5); она задает настроение всему слову и становится его рефреном. Каждая строка этой гомилии передает атмосферу ликования и радости, все вокруг поет торжественную песнь Господу, вся тварь его благослов-

ляет. В качестве цитат используются пассажи из Службы Кресту, что делает речь необычайно ритмичной и возвышенной. Автор рассматривает свое слово как часть церковной службы, в повествовании вводится даже описание ритуала, который сопровождает праздничное богослужение: «Крестъ в церкви на священнѣи трапезѣ предлагается днесь, и церковныя нѣдра освящаются. Крестъ архиерея рукама подѣмлетя днесь, и священная церкви благоукрашается ликовствующи. Крест посредѣ церкви происходитъ днесь, и церковь вся просвещается празднующи...» (л. 32 об.)². Если в первой гомилии Трифон Петров предстает как тонкий экзегет, тщательно выстраивающий логику повествования, но в этом слове он проявляет себя как мастерский вития, в совершенстве владеющий стилем «плетения словес». Течение повествования обеспечивает смена тирад, каждая из которых раскрывает свою тему и строится на основе какой-либо стилистической фигуры, а иногда и на их совокупности: «Такожде и образом креста благословляются и освящаются всяческая, и даровании духовныхъ источники проливаются всюду, и страсти и недуги от человек отгонимы бывають, и болящия неисцѣлными язвами уврачуются, и демонская черноличная чета прогоняется, и вся спасения и добрая человекомъ даруются» (л. 44 об.). В данном примере наблюдается амплификация при помощи синонимических рядов и однотипных синтаксических структур.

Особого внимания в этом слове заслуживает заключительная часть. Как правило, гомилии Трифона Петрова не содержат никаких указаний на настоящее время, они лишены рассуждений, не относящихся к самому торжеству, не содержат они и полемических отступлений, связанных с вопросами веры. Автор стремится к соблюдению чистоты жанра³. Но в финальной части рассмотренного похвального слова мы встречаем явную отсылку к настоящему времени. Произнося слова молитвы «пресвятому древу», проповедник просит: «Предстани противу борющихся ны с нами, изсуни оружие твое и зари сопротивъ гонящимъ ны, рцы намъ: "Спасение ваше есмь", да постыдятся и посрамятся вси имущи пожрети насъ...» (л. 47 об.).

Гомилии Трифона Петрова, написанные на праздник Воздвижения, являются ярким образцом выговского торжественного красноречия. Обладая сложной стилистикой и богословской глубиной, они выдают в авторе образованного книжника, хорошо владеющего приемами ораторского искусства, который, оказавшись восприимчивым к веяниям эпохи, тем не менее явился продолжателем лучших традиций святоотеческой литературы.

Примечания

- * Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 651-14).
- 1 Слово на Воздвижение честнаго и животворящаго Креста Господня цит. по списку: ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 151. л. 27–37. Далее цитируем текст с указанием в скобках после цитаты номера листа.
- 2 «На Воздвижение честнаго животворящаго Креста Господня Слово похвальное» цит. по списку: РГБ, Рогожское собр., № 609. л. 29–48. Далее цитируем текст с указанием в скобках после цитаты номера листа.
- 3 На эту особенность творческой манеры автора обратила внимание Е. М. Юхименко: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 1. С. 136–137.

Список сокращений

- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
 РАН (Санкт-Петербург)
 НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета (Москва)
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

Список литературы

1. *Аввакум (протопоп)*. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия; Вступит. статья В. Е. Гусева; Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия и др. М.: Гослитиздат, 1960. 479 с.
2. *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 50–58.

3. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
4. Каган М. Д. Апокрифы о крестном древе // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. Вып. 2. ч. 1: А – К. С. 60–66.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
6. Маркелов Г. В. Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.
7. Матхаузерова С. Две теории текста в русской культуре XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 271–284.
8. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
9. Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.
10. Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб.: Наука, 1994. С. 104–112.
11. Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
12. Филиппов И. История выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Типография товарищества Общественная польза, 1862. 480 с.
13. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 1. 544 с.
14. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 2. 480 с.

Ekaterina Dmitrievna Grishkevich

*A Postgraduate Student
of Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
katerina.grishkevich@gmail.com*

THE IMAGE OF THE CROSS IN THE HOMILIES OF TRYPHON PETROV, THE OLD BELIEVERS WRITER OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The article focuses on the peculiar properties of the style of writing of Tryphon Petrov, the Old Believer writer of the Vyg literary school. The analysis is based on two homilies which are dedicated to the Feast of the

Exaltation of the Holy Cross. The article examines the structure of the homilies, their genre features, meanings and interpretations of the image of the cross as well as the form and sources of the texts. The work contains comments on the influence of Baroque esthetics and rhetoric on the author's style of writing. The analysis of the first text is focused on its structure which is inscribed in the symbol of the cross. Listening to the preacher hearers go through the space-time coordinates determined by the cross. The most important in the second homily are the canticles which are a part of the text. They create rhythm and convert the homily into reminiscence of a hymn. The narration of both texts is based on amplification. The article resumes the thought that Tryphon Petrov assimilated new trends of his time but he also was continuer of the tradition of patristic eloquence.

Keywords: The Vyg community, Old Believers, homiletics, Tryphon Petrov

References

1. Avvakum (archpriest). *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum by himself and his other writings]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960. 479 p.
2. Eremin I. P. Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo [The eloquence of Cyril of Turov]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, vol. 18, pp. 50–58.
3. Zhuravel' O. D. *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII–nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [The literary works of Old Believers of the 18th – early 21st centuries: topics, issues, poetics]. Novosibirsk, Siberian office of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 442 p.
4. Kagan M. D. Apokrify o krestnom dreve [The Apocrypha about The Cross tree]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the scribes and booklore of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, no. 2, part 1, pp. 60–66.
5. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The poetics of Early Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p.
6. Markelov G. V. *Pisaniya vygovtsev: Sochineniya pomorskikh staroobryadtsev v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma. Katalog-intsipitariy* [The literary works of the Vyg writers: the writings of the Old Believer coast-dwellers in The Department of Old Russian Literature of the Pushkin House. The inceptionary catalog]. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2004. 420 p.
7. Matkhauzerova S. Dve teorii teksta v russkoy kul'ture XVII veka [Two theories of the text in the Russian culture of the 17th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 31, pp. 271–284.

8. Panchenko A. M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [*Russian poetic culture of the 17th century*]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 280 p.
9. Ponyrko N.V. Uchebniki ritoriki na Vygu [Rhetoric textbooks on the Vyg]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 36, pp. 154–162.
10. Ponyrko N.V. Esteticheskie pozitsii pisateley vygovskoy literaturnoy shkoly [Esthetic positions of the Vyg literary school]. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: XVII v.* [Book centers of Ancient Russia: the 17th century]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 104–112.
11. Uspenskiy B. A. *Krest i krug: Iz istorii khristianskoy simboliki* [The cross and the circle: Out of the Christian symbolics history]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 488 p.
12. Filippov I. *Istoriya vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni* [The history of the Vyg Old Believer hermitage]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1862. 480 p.
13. Yukhimenko E.M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura* [The Vyg Old Believer hermitage: Spiritual life and literature]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, vol. 1. 544 p.
14. Yukhimenko E.M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura* [The Vyg Old Believer hermitage: Spiritual life and literature]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, vol. 2. 480 p.